

на трех хуторах — Потемкинском, Новопокровском и Новонекрасовском. Еще перед Отечественной войной оба колхоза некрасовцев стали участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. В дни войны казаки-некрасовцы доблестно сражались в рядах Красной Армии, а оставшиеся на хуторах во время немецкой оккупации старики, женщины и дети активно боролись против фашистских захватчиков.

Песни и сказки, представленные в рецензируемой книге, были записаны в дни войны в 1944 г. В этих произведениях мы видим исключительно интересное сочетание старинной традиции с современностью. В сборнике представлены песни, плачи-причеты, сказки-легенды, рассказы, частушки. Текстам предпослана статья Ф. В. Тумилевича «Устная поэзия некрасовцев об Отечественной войне». В конце книги даны краткие сведения о сказителях, приложены шесть портретов сказителей и сказительниц. Сказители-некрасовцы умело перерабатывают старинную поэтическую традицию, создавая новые произведения большой впечатляющей силы. К таким произведениям прежде всего надо отнести плач «Будь ты проклят, Гитлер» сказительницы Капустинской. В сжатой, энергичной форме ей удалось передать глубину и силу народного гнева и презрения к фашистам. Интересна сказка-легенда Господарева «Игнат помогает Красному войску». Господарев обращается к дорогому для некрасовцев образу Игната Некрасова, делает его участником Отечественной войны. Выделяется среди других замечательная песня Морозова «Я пушу стрелу». Все произведения, представленные в сборнике, привлекут внимание не только исследователей, но и рядового советского читателя своими несомненными поэтическими достоинствами. Вступительная статья и сведения о сказителях, составленные Ф. В. Тумилевичем, полезны и нужны для понимания текстов. Но в этих материалах имеется и ряд недостатков. Ф. В. Тумилевич напрасно отделяет сведения о сказителях от вступительной статьи, тем более, что большая часть этих сведений содержится во вступительной статье, а за остальными почему-то приходится обращаться в конце книги. Давая характеристику сказителям, Ф. В. Тумилевич усердствует по части личных оценок («добрый», «бодрый», «гостеприимный» и т. д.), но часто не дает творческой характеристики. В нескольких случаях Ф. В. Тумилевич приводит любопытные сопоставления старинного фольклорного образца и возникшего на его основе нового произведения, но в отношении большинства произведений он этого не делает. Читателю остается гадать, является ли то или иное произведение вполне оригинальным или переработкой старого традиционного текста. Отсутствует ясный и систематический комментарий к отдельным произведениям. В сборник включена группа произведений («Штурман», «Село с рассветом вышло из тумана», «В небе туча грозовая»), несомненно являющихся переработкой стихотворений советских поэтов. Составитель не только не дал никаких комментариев к этим произведениям, но даже не указал, от кого они записаны.

Появление этой небольшой книги выдвигает насущный вопрос об издании большого сборника фольклора казаков-некрасовцев, снабженного полноценным научным комментарием. В этом есть настоятельная необходимость, так как о быте и творчестве некрасовцев в советской науке до сих пор не опубликовано серьезных исследований.

М. Кузнецов и И. Дмитриков

Руны и исторические песни. Перевод и предисловие В. Евсеева, Петрозаводск, 1946.

Еще на первом съезде писателей Карело-Финской ССР в 1941 г. перед литературоведами и писателями республики была поставлена задача популяризации народного творчества. Выполняя это решение, научно-исследовательский институт культуры Карело-Финской ССР издал в течение последних 6 лет ряд фольклорных сборников с самой разнообразной тематикой. К числу их следует отнести и рецензируемую работу. Кроме того, рецензируемый сборник может быть включен в число произведений, вызванных к жизни Великой отечественной войной, так как в нем, по словам переводчика, прослеживается, «каким образом на протяжении многих столетий тематика войны отразилась в устной народной поэзии». В этой области рецензируемой работе предшествовали: сборник того же автора «Про изверга-немца. Старинные карело-финские народные песни» (1943), и его же статья «Борьба с немецкими захватчиками во карело-финским народным песням» («Дружба народов», 1943, № 9). Таким образом, некоторые из помещенных в рецензируемом сборнике песен публикуются на русском языке уже в третий раз, некоторые во второй (впервые они появились в сборнике того же автора «Сампо», Петрозаводск, 1940), и лишь переводы вариантов, взятых из Suomenkansan vanhat runot (Helsinki, 1904—1940, т. I—XIII) публикуются на русском языке впервые.

Из многообразных сюжетов карело-финских рун и исторических песен в сборнике помещено 15. Работе предпослана вводная статья; имеется указатель источников; подстрочные примечания разъясняют местные, областные слова, имена собственные и некоторые мотивы рун. Фольклорный материал сборника не разделен на руны и исторические песни. Автор лишь разместил их в определенной последовательности: первые пять сюжетов являются вариантами рун Калевалы, затем следуют

семь сюжетов с военной и антинемецкой тематикой, последние три сюжета песен связаны с именами Ивана Грозного, Петра I и Павла I. Касаясь художественной ценности публикуемых в сборнике вариантов рун и их переводов, автор в предисловии подчеркивает свое стремление к точности перевода, близости к оригиналу; стилистическая правка перевода не касалась содержания рун. Сравнение рун из рецензируемого сборника с более ранними публикациями наглядно показывает вдумчивый и творческий подход переводчика к своему материалу, его сложную и кропотливую работу над передачей нужного смыслового оттенка не дословным (хотя бы и точным, как это в переводах «Калевалы» Л. Бельского) пересказом содержания, но с сохранением и стихотворного размера, и художественных образов рун. Лаконичность и динамичность рун в рецензируемом сборнике особенно ярко выступает при сравнении их с рунами «Калевалы» в литературной обработке Ленрота, где текст загроможден длиннотами заговорной и обрядовой поэзии. Кроме своей несомненной художественной ценности, публикуемые материалы имеют и большое общественно-политическое значение. С одной стороны, песенный материал неопровержимо свидетельствует о глубокой древности финско-славянских культурных связей. Дружественные финско-славянские отношения, как это убедительно доказывает публикуемый материал исторических песен, существовали еще в эпоху Александра Невского, когда карелы участвовали в Ледовом побоище в рядах Новгородского войска; исторические песни карело-финского народа откликаются и на войны Ивана Грозного, и на походы Петра I, и на нашествие Бонапарта. Тесная культурная связь русского и карельского народов своеобразно воплощается в образе Ивана Калевы: само соединение русского и карельского имен у этого излюбленного героя рун и исторических песен весьма показательно. С другой стороны, карело-финские руны и исторические песни это своеобразный отклик народа на постоянные грабительские происки феодалов-немцев. Образ знатного богатого немца Ганса (с его постоянным эпитетом «низкий»), способного на насилие, грабеж, убийство жены, сожжение сына, возник в сознании народа еще несколько столетий тому назад, когда немецкие псы-рыцари столкнулись с карело-финскими племенами при колонизации Восточной Прибалтики. Руны и исторические песни отражают многовековую борьбу карело-финского народа с немецкими захватчиками; недаром даже шведов руны называют «свейскими немцами». Песни показывают, что образ немца стал для народа символом грабежа, насилия, убийства, рабства. Опубликованный материал показывает всю беспощадность «теорий» некоторых финских ученых о том, что финский народ никогда не был связан с русским народом, что Финляндия развивалась изолированно от России, что у нее гораздо больше общего с Западом, чем с Востоком. Маннергеймовские холопы Гитлера шли еще дальше; они пытались доказать, что карело-финский народ это «младший северный брат немецкого народа». Но руны и песни, рассказанные самим народом, говорят об обратном. Опубликованный материал — новое свидетельство давней, исторически сложившейся дружбы русского и карело-финского народов, скрепленной кровью на протяжении сотен лет.

Наряду с отмеченными достоинствами как общественно-политического, так и художественного характера, рецензируемая работа не свободна от некоторых недостатков. Не всегда последовательно и четко выдержан характер сборника. Книга рассчитана на массового советского читателя. Несомненно, что для очень многих термины «руны» неясны, а зачастую просто неизвестны. Читатель не в состоянии сам отделить руны от исторических песен, а составитель этого не сделал. Подбор сюжетов и вариантов ничем не мотивирован и не оправдан. Место публикуемых рун в «Калевале» не указано; смысл и значение сюжетов рун для тех, кто не знаком с Калевалой, остается неясным. Примечания к рунам и историческим песням слишком кратки и могут быть не поняты массовым читателем (например: «Суоми — самоназвание Финляндии»; «Тарпанайнен — имя, редко встречающееся в карело-финских рунах» и др.). Предисловие к сборнику не помогает читателю раскрыть тот «определенный культурно-познавательный интерес», который, безусловно, присутствует в публикуемых рунах. Поражает отсутствие в сборнике современных карельских народных эпических песен. Песня сказителя-красноармейца Минина о Сампо, разрушенном немецко-фашистскими захватчиками и восстанавливаемом народом, показала бы глубину и значимость этого символа народного счастья в старых опубликованных в сборнике рунах и дала бы читателю перспективу развития эпического творчества карело-финского народа. Об этих новых песнях автор лишь упоминает в предисловии, не показав их места и значения в истории развития народного эпоса Карелии. Серьезные возражения с научной точки зрения вызывают некоторые положения предисловия, а также оформление публикуемых вариантов. Указатель источников составлен неудачно; даже специалист не сможет, пользуясь им, установить, кто, где, когда и от кого записал данный вариант. Это тем более странно, что в своих предыдущих публикациях автор после каждого текста давал сведения о записях и исполнителях. Следовало бы также огорчиться, что названия рун и исторических песен даны самим переводчиком, а не сказителями. Это тем более необходимо, что в сборнике «Про изверга-немца» те же самые песни называются по-иному (например, «Немец Ганс и Маркетта» — «Немец насилует Маркетту»; «Немец Ганс, Елена и Кайса» — «Немец убивает свою жену»; «Походы Куллерво под замок» — «Куллерво и рижско-немецкий рыцарь» и т. д.). Не имея возможности сравнить перевод с оригиналом, читатель, тем не менее, может

поставить под сомнение точность перевода. Сравнивая тексты рецензируемого сборника с ранее вышедшим сборником «Про изверга-немца», где помещены те же варианты того же переводчика, можно заметить не только разницу в форме, стилистическую правку, вполне уместную и понятную, но и разницу в содержании, смысловое различие в текстах. Такое изменение текста ставит под сомнение заявление переводчика в предисловии: «Точность перевода, адекватность его оригиналу являлась основной задачей, стоявшей перед составителем сборника». Читатель не знает, какому тексту больше верить.

Автор совершенно справедливо объединил два жанра фольклора — руны и исторические песни — и указал на неразрывную генетическую связь между ними. Но последующий вывод автора: «Поэтика этих двух жанров карело-финского эпоса идентична» (разрядка моя. — Л. П.) кажется слишком поспешным. Несомненна глубокая органическая связь между поэтикой рун и исторических песен, их близость, их сходство, их генетическая зависимость. Но говорить об идентичности этих двух поэтик значит лишать историческую песню ее специфики как жанра. Даже в том случае, если поэтический образ рун целиком без изменений перешел в историческую песню, он несет в ней совершенно иную смысловую нагрузку, он качественно меняется, получая новое значение при старой, неизменившейся форме. Сомнительно также, что руны и исторические песни имеют значение как источник «познания героического прошлого народов северо-западных окраин нашей Родины». Руны и исторические песни это отклик народа на исторические события, отклик, во многом своеобразный, специфичный, который хотя и дает временами верную оценку событий, но привлекаться в качестве исторического «источника познания» никак не может. Песни, в которых Екатерина II и Наполеон Бонапарт, Иван Грозный и Карл XII живут и действуют в одно и то же время, едва ли могут быть «источником познания» прошлого народа. Автор сообщает в предисловии, что он размещал «руны и исторические песни в определенной последовательности», стремясь показать «стадиальность их возникновения и переосмысления». В связи с этим возникает вопрос: почему сюжет «В борьбе за старое Сампо» стоит раньше, чем руны с сюжетом «Изготовление кантеле»? Автор ничем не подтверждает большей древности первого сюжета, да это и невозможно, как невозможно в большинстве случаев вообще доказывать старшинство одних рун по сравнению с другими, ибо время возникновения отдельных вариантов не может быть точно определено. Стадиальность возникновения рун — вопрос очень сложный, и на таком небольшом материале простым размещением рун в произвольно выбранном автором порядке его решить нельзя.

Несмотря на перечисленные недочеты, сборник представляет собой значительное явление. Его ценность прежде всего в том, что впервые на русском языке в сравнительно большом тираже (10 000) выходят исторические песни карело-финского народа. Не только массовый советский читатель знакомится с поэтическим творчеством этого народа, но и специалисты получают возможность сравнительного изучения русского и карело-финского эпоса, русских и карело-финских исторических песен. Выход этой книги свидетельствует о росте советской фольклористики не только в центрах научной мысли, но и на периферии. Прошло всего несколько лет после освобождения Карело-Финской республики от ига немецкой оккупации, а К-ФССР возрождается и с экономической и с общественно-политической, и с научной стороны. Рецензируемая книга — одно из ярких тому доказательств.

Л. Пушкарев

Wilfrid Chettéoui, *Un rapsode russe Rjabinin le père, La byline du XIX siècle*, Paris, 1942.

Объемистый труд доктора Парижского университета Вильфрида Шетеуи посвящен характеристике творчества знаменитого олонечного сказителя Грофима Григорьевича Рябинина, тексты которого были записаны в 60-х и 70-х гг. П. Н. Рыбниковым и А. Ф. Гильфердингом.

Проблема индивидуального творчества в фольклоре была впервые поставлена в русской фольклористике. После сборника Гильфердинга «Онежские былины» становится как бы обязательным распределение материала в фольклорных сборниках по сказителям и сказочникам, записываются и публикуются биографии носителей фольклора, дается анализ их творчества, делаются попытки установить особенности отдельных школ сказителей и сказочников, появляются монографии, посвященные лучшим мастерам фольклора. Это направление русской науки оказало значительное влияние на западноевропейскую фольклористику.

Интересным вкладом в изучение русской былины и творчества русских сказителей является рецензируемая книга французского ученого. Первая часть книги посвящена биографии и характеристике репертуара Рябинина. В качестве сравнительного материала привлекаются параллельные тексты и сведения о других олонечных сказителях. Дается очень детальная и основательная критика текста записей Рыбникова и Гильфердинга. Вторая часть посвящена анализу поэтики былины. Это — основная часть работы, в которой дается общая характеристика поэтики былины, анализ текстов Рябинина, характеристика былинного стиха, стиля и композиции былины. Особое вни-